Concept and main characteristics of ecological discourse (by the material of English-speaking media)

The article deals with the ecological discourse and its representation means in foreign mass media. In this regard, there is an increased interest in environmental issues, which is the result of the worsening environmental crisis and the increased concern of the world community about environmental problems.

Key words: *ecological discourse, environmental discourse, globalization strategy, ecology, environment.*

(Статья поступила в редакцию 15.01.2018)

О.С. КАЗАКОВЦЕВА
(Петрозаводск)

АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ СУБСТАНТИВНО-АТРИБУТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕГО ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ XIX в.*

Анализируются атрибутивные словосочетания в «Слове о полку Игореве» и его поэтических переложениях XIX в., созданных В.А. Жуковским и А.Н. Майковым. Наблюдения над расположением атрибута в поэтических переложениях показывают, что авторы переводов в большинстве случаев придерживаются словопорядка древнерусского текста, однако метрический рисунок и ритм нового текста обязывают их располагать компоненты атрибутивных словосочетаний иначе.

Ключевые слова: *древнерусский язык, порядок слов, субстантивно-атрибутивное словосочетание, поэтическое переложение.*

Позиция атрибута относительно определяемого слова в древнерусском языке отличалась от современного. Как правило, в современном русском литературном языке при нейтральном порядке слов определение занимает положение перед определяемым словом, тогда как в древнерусском языке оно могло быть и препозитивным, и постпозитивным [7, с. 98; 14, с. 47–95]. Постановка атрибута в ту или иную позицию могла зависеть от ряда факторов (например, от частеречной принадлежности и лексико-грамматического разряда атрибута, от одушевленности существительного [10, с. 288–289; 18]).

В данной статье мы попытаемся выяснить принципы постановки атрибута относительно определяемого слова в «Слове о полку Игореве» (СПИ), а также выявить различия в расположении атрибута между древнерусским текстом и его поэтическими переложениями XIX в., выполненными В. Жуковским и А. Майковым.

Текст СПИ – «единственный въ своемъ родѣ драгоцѣнный памятникъ древнѣйшей русской поэзіи» [3, с. 414], «глубокими корнями связанный с народной культурой, с народным языком, с народным мировоззрением» [8, с. 132], неоднократно привлекался исследователями в качестве материала для исследования порядка слов, в том числе и внутри субстантивно-именных словосочетаний [2, с. 130–132; 11, с. 168–174; 14, с. 47–95]. Однако сравнение расположения компонентов атрибутивных конструкций в древнерусском тексте и его поэтических переложениях производится впервые.

Нам представляется любопытным выявить, влияет ли изменение стихотворного ритма и размера на расположение компонентов внутри атрибутивной группы. Методом сплошной выборки из трех текстов мы извлекли 897 атрибутивных конструкций (283 – СПИ, 318 – поэтическое переложение В. Жуковского, 296 – поэтическое переложение А. Майкова).

Процентное соотношение общего числа двучленных и трехчленных атрибутивных конструкций во всех трех текстах примерно одинаково: 87 % двучленных конструкций и 13 % трехчленных в СПИ, 85 % двучленных конструкций и 15 % трехчленных в поэтическом переложении В. Жуковского, 86 % двучленных конструкций и 14 % трехчленных в поэтическом переложении А. Майкова. Подобное сходство в количественном соотношении двухкомпонентных и трехкомпонентных словосочетаний можно объяснить попыткой авторов-переводчиков «бережно сохра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-04-00168 «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века»).

© Казаковцева О.С., 2018

нить каждое слово, каждый поэтический образ» [12, с. 48].

Говоря о двучленных атрибутивных словосочетаниях в древнерусском тексте СПИ, отметим, что на долю 66 % препозитивных конструкций приходится 33 % постпозитивных. Эти данные противоречат мнению исследователей, согласно которому удельный вес препозитивных и постпозитивных конструкций в древнерусских памятниках примерно одинаков (или даже возможно незначительное преобладание постпозитивных словосочетаний) [6, с. 173–179; 14, с. 61–67].

Объяснить столь большую количественную разницу можно тем, что в 63 % препозитивных словосочетаниях атрибут выражен членной формой качественного имени прилагательного. Например: *старымъ княземъ* (68)*, *веселыми пѣсньми* (67), *храбрии русичи* (54). Как отмечают исследователи, это один из факторов, который влияет на положение атрибута внутри словосочетания [6, с. 176].

Другие факторы (наличие предлога и одушевленность имени существительного) равно проявили себя в случаях как препозитивного, так и постпозитивного положения атрибута, поэтому учесть их как влияющих на расположение членов атрибутивного словосочетания в данном случае мы не можем.

Среди других примеров морфологического выражения препозитивного атрибута можно отметить краткую форму имени прилагательного, определительное и притяжательное местоимения, причастие и имя числительное (количественные данные приведены в табл. 1).

Важно отметить, что и в поэтических переложениях СПИ в двучленных атрибутивных словосочетаниях также наблюдается преобладание препозитивного положения атрибута: в переложении В. Жуковского 59 % препозитивных конструкций – 40 % постпозитивных, в переложении А. Майкова 67 % препозитивных конструкций – 27 % постпозитивных.

Следование древнерусскому образцу – не единственная причина преобладания препозитивных атрибутивных словосочетаний в поэтических переложениях В. Жуковского и А. Майкова. Следует вспомнить время, в которое работали поэты-переводчики: начало (В. Жуковский переводил СПИ между 1817 и 1819 гг. [5, с. 121–132]) и середина (А. Майков посвятил переложению СПИ 4 года – с 1886 по 1889 г. [17]) XIX в.

Как отмечает З.К. Тарланов, к середине XIX в. в литературной норме закрепляется левостороннее расположение атрибутивно-именной группы («ряд, зависимый от именной абсолютной позиции, по нормам иерархии развертывается влево»), связывая это со следованием синтаксиса «по пути гипотаксиса», в котором лежит антиномия имени и глагола [15, с. 37–38].

Морфологическое выражение постпозитивного атрибута представлено не так широко, как в препозиции. Так, постпозитивный атрибут не выражен ни определительным местоимением, ни числительным (в табл. 2 на с. 103 приведены количественные данные).

Выполнив сопоставительный анализ морфологического выражения препозитивного и постпозитивного атрибута, мы отмечаем

* Здесь и далее примеры из текста «Слово о полку Игореве» и его поэтических переложений приводятся по изданию [13]. Цифра в круглых скобках обозначает страницу издания, буква Ж – поэтическое переложение В. Жуковского, буква М – поэтическое переложение А. Майкова.

Таблица 1

Морфологическое выражение атрибута в двучленных препозитивных атрибутивных словосочетаниях, %

Морфологическое выражение препозитивного атрибута	Древнерусский текст СПИ	Переложение В. Жуковского	Переложение А. Майкова
Членная форма имени прилагательного	63	81	72
Нечленная форма имени прилагательного	20	5	11
Определительное местоимение	2	1	3
Притяжательное местоимение	4	5	5
Указательное местоимение	3	3	0,5
Порядковое числительное	3	1	2
Количественное числительное	3	2	5
Действительное причастие	–	–	0,5
Страдательное причастие	–	1	0,5
Приложение	2	1	0,5

Таблица 2

Морфологическое выражение атрибута в двучленных постпозитивных атрибутивных словосочетаниях, %

Морфологическое выражение постпозитивного атрибута	Древнерусский текст СПИ	Переложение В. Жуковского	Переложение А. Майкова
Членная форма имени прилагательного	57	71	79
Нечленная форма имени прилагательного	16	6	4
Определительное местоимение	–	–	–
Притяжательное местоимение	12	14	9
Указательное местоимение	4	3	1
Порядковое числительное	–	–	–
Количественное числительное	–	–	–
Действительное причастие	–	–	1
Страдательное причастие	1	–	–
Приложение	10	6	6

следующее. Во-первых, членная форма имени прилагательного является превалирующей как в пре-, так и в постпозиции: *въ Руской земли* (68) – *за землю Рускую* (60). Краткая форма менее частотна в обоих расположениях атрибута (*въ златъ стремень* (50) – *стола злата* (57), что подтверждает мнение исследователей о немотивированности выбора полной или краткой формы, а также то, что уже в древнерусский период краткая форма вытеснялась членной формой прилагательного [1; 14, с. 94–95]. Во-вторых, определительные местоимения, равно как и числительные, употребляются только в препозитивном положении: *всю нощь* (57), *на седьмомъ вѣцѣ* (63), *два солнца* (57). В-третьих, в постпозиции увеличивается число притяжательных местоимений и приложений: *сердца своего* (48), *грозы твоя* (60), *града Чрънигова* (53). Как отмечает Ф.Р. Минлос, притяжательное прилагательное обычно находится в постпозиции, особенно если отсутствует прилагательное [9, с. 285]. В-четвертых, как страдательные, так и действительные причастия не нашли своего широкого применения ни в препозитивном, ни в постпозитивном положении атрибута: *лебеди роспущени* (50).

Если мы можем отметить, что картина с контактным расположением атрибута одинакова как в древнерусском тексте СПИ, так и в его поэтических переложениях, то этого нельзя сказать о его дистантном положении. Число конструкций с данным типом словорасположения увеличивается от древнерусского текста к переводу А. Майкова: древнерусский текст СПИ – 2 атрибутивные конструкции с дистантным расположением (1 % от общего числа двучленных словосочетаний), переложение В. Жуковского – 4 конструкции (1 % от общего числа двучленных словосочетаний), переложение А. Майкова – 13 конструкций (16 % от общего числа двучленных словосочетаний).

Увеличение числа атрибутивных словосочетаний с дистантным положением атрибута, на наш взгляд, объясняется тем, что поэтическое переложение А. Майкова имеет стихотворный размер (5-стопный хорей), который отсутствует в переложении В. Жуковского и, естественно, в древнерусском тексте СПИ.

Так, автор, следуя выбранному стихотворному размеру, переставляет и добавляет необходимые и соотносимые по смыслу слова в атрибутивную конструкцию, чтобы не нарушать метрический рисунок. Например, *золотым посвечивая шлемом* (М: 131) – *своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая* (75); *с синим мне вином мешали зелье* (М: 135) – *черпали мне синее вино* (79). Иногда автор-переводчик прибегает и к лексическому повтору: *Грому быть, великому быть грому!* (М: 130) – *Быть грому великому!* (52).

Из 13 конструкций с дистантным расположением атрибута в 9 случаях разрывающий компонент выражен глаголом и в 4 случаях – местоимением. Атрибутивные словосочетания с дистантным расположением определения имеются и в поэтическом переложении В. Жуковского, однако их количество составляет всего 1 % (4 примера) от числа всех двучленных атрибутивных словосочетаний. Разрывающий компонент в 3 случаях выражен частицей *ли*: *Старому* ***ли*** *Ярославу, храброму* ***ли*** *Мстиславу, Красному* ***ли*** *Роману Святосла-*

вичу (Ж: 107) – *старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславличю* (47–48); в 1 случае – местоимением: *шеломы* ***у вас*** *латинские, под ними железные панцири!* (Ж: 118) – *Суть бо у ваю желѣзные паворози подъ шеломы латиньскыми* (61).

Используя повторяющуюся частицу *ли*, употребляемую для выражения неопределенности, В. Жуковский тем самым приближает текст своего перевода к народно-поэтической речи. Ср., например, с текстом песни А. Дельвига:

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
Бурная! [4].

Кроме двучленных атрибутивных словосочетаний в тексте СПИ и его поэтических переложениях встречаются и трехчленные атрибутивные конструкции. Так, в древнерусском тексте СПИ их 35 (13 % от общего числа атрибутивных конструкций), в поэтическом переложении В. Жуковского – 47 (15 %), а в поэтическом переложении А. Майкова – 42 (14 %).

Проанализировав расположение трехчленных конструкций (см. табл. 3), мы делаем вывод, что по расположению компонентов трехчленной атрибутивной конструкции ближе всего к оригиналу находится поэтическое переложение В. Жуковского. А. Майков отдаляется от оригинального текста тем, что использует постпозитивные атрибутивные конструкции, а также конструкции с дистантным положением атрибута. Отметим, что наиболее частотным вариантом расположения трехчленного атрибутивного словосочетания во всех трех текстах является препозиция определения, а на втором месте по распространенности находится обмыкание, или интерпозиция.

Среди препозитивных трехкомпонентных словосочетаний во всех текстах наиболее употребительна конструкция «местоимение + прилагательное + определяемое слово»: *своими злачеными стрѣлами* (66), *своя бръзая комоня* (66), *своих борзых коней* (Ж: 123), *своими русскими костями* (М: 141). Данная группа встречается и в постпозиции, однако только в поэтических переложениях СПИ: *на престоле своем златокованом* (Ж: 118), *коней своих ретивых* (М: 128). Примечательно, что в 99 % случаев авторы используют притяжательное местоимение *свой*.

Вторая по употребительности препозитивная трехчленная конструкция состоит из двух прилагательных: *давный великый Ярославъ* (53), *отцовский златой престол* (Ж: 117), *под темною зеленою ракитой* (М: 145).

Немногочисленны (количество представленных словосочетаний во всех трех текстах варьируется от одного до трех) препозитивные трехчленные конструкции типа «прилагательное + местоимение + определяемое слово»: *кровавыя его раны* (64), *златые ваши шеломы* (Ж: 119), *черное все поле* (М: 133); «числительное + прилагательное + определяемое слово»: *два храбрая Святъславлича* (56), *два молодые месяца* (Ж: 116), *десять быстрых соколов* (М: 126). Примечательно, что в последней конструкции все числительные, за исключением единичного случая *десять*, представлены числом *два*, обозначающим двух князей Олега и Святослава, сыновей Игоря Новгород-Северского.

Единичным случаем представлены конструкции «местоимение + местоимение + определяемое слово»: *вся своя воя* (48) и «местоимение + приложение + определяемое слово»: *своей красавицы княгини* (М: 132).

Постпозитивные трехчленные конструкции имеются в поэтическом переложении А. Майкова и единичным случаем представлены в переводе В. Жуковского: *на престоле своем златокованом* (Ж: 118).

9 примеров постпозитивных трехчленных конструкций представлены группой «определяемое слово + прилагательное + прилагательное»: *земле великой Русской* (М: 142),

Таблица 3

Количественная характеристика трехчленных атрибутивных словосочетаний

Трехчленные атрибутивные конструкции	Древнерусский текст СПИ	Переложение В. Жуковского	Переложение А. Майкова
Всего трехчленных конструкций	35	47	42
Препозиция 2 определений	30 (86 %)	28 (60 %)	21 (50 %)
Постпозиция 2 определений	–	1 (2 %)	14 (33 %)
Обмыкание	5 (14 %)	18 (38 %)	5 (12 %)
Дистантное положение определений	–	–	2 (5 %)

князь Киевский великий (М: 134); 3 примера представлены группой «определяемое слово + местоимение + прилагательное»: *коней своих ретивых* (М: 128), *свет мой светлый* (М: 128) и 2 конструкции – «определяемое слово + прилагательное + местоимение»: *под щитами красными своими* (М: 140), *сединой серебряной моею* (М: 137). Как и в случаях препозитивного расположения атрибутов, в постпозитивных конструкциях используется притяжательное местоимение.

Употребление постпозитивных трехчленных атрибутивных словосочетаний в поэтическом переложении А. Майкова мы связываем прежде всего с использованием стихотворного размера. Как отмечает А.С. Улитова, для книжных и деловых текстов характерна препозиция двух определений [16, с. 108–118], отсюда делаем вывод о намеренном «повороте» автором атрибутивного ряда. С этой же целью автор употребляет и трехчленные атрибутивные конструкции с дистантным положением атрибута: *ярый тур* ***ты*** *Всеволод* (М: 131), *с того зеленого* ***же*** *поля* (М: 132).

Говоря о трехчленных конструкциях с интерпозицией атрибута, отметим, что большим числом они представлены в поэтическом переложении В. Жуковского (18 примеров). В древнерусском тексте СПИ и в поэтическом переложении А. Майкова их число одинаково – по 5 примеров.

Рамочные конструкции представлены во многих морфологических вариациях, но самые частотные (40 % в древнерусском тексте СПИ и 33 % в поэтическом переложении В. Жуковского) – «качественное прилагательное – существительное – относительное прилагательное». К примеру, *поганыя плъкы половецкыя* (51), *храбрые воины русские* (Ж: 113). Остальные же случаи расположения представлены единичными примерами.

В поэтическом переложении А. Майкова 60 % интерпозитивных трехчленных словосочетаний представлены группой «числительное – существительное – качественное прилагательное»: *два столба багряные* (М: 136), *оба солнца красные* (М: 136). Остальные два случая представлены единичными примерами.

Итак, проанализировав атрибутивные словосочетания в древнерусском тексте «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложениях В. Жуковского и А. Майкова, мы делаем следующие выводы. Во-первых, как в двучленных, так и в трехчленных конструкциях превалируют словосочетания с препозитивным положением атрибута, что мы объясняем следованием древнерусского автора морфологическому принципу расположения членов атрибутивного ряда, а поэты-переводчики, в свою очередь, уже воспользовались ставшим к XIX в. «традиционным» левосторонним расположением атрибута. Во-вторых, в двучленных препозитивных и постпозитивных атрибутивных словосочетаниях атрибут в большинстве случаев (от 57 до 81 %) выражен членной формой имени прилагательного, краткие же формы равно встречаются и в препозиции, и в постпозиции, что подтверждает мысль ученых о немотивированности кратких и полных форм уже в древнерусский период. В-третьих, как показали количественные подсчеты, двучленных атрибутивных словосочетаний с дистантным положением атрибута больше в поэтическом переложении А. Майкова, что связано, на наш взгляд, с использованием стихотворного размера (5-стопного хорея), а соответственно, и определенного количества слогов в поэтической строке. Этой же причиной мы объясняем и наличие в тексте А. Майкова трехчленных постпозитивных словосочетаний и трехчленных конструкций с дистантным положением атрибута.

Таким образом, в поэтических переложениях «Слова о полку Игореве» наблюдается стремление поэтов-переводчиков следовать древнерусскому автору, однако метрический рисунок и ритм нового текста требуют вносить коррективы в расположение атрибутивного словосочетания.

Список литературы

1. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
2. Булаховский Л.А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. М.; Л: Изд-во АН СССР. 1950. С. 130–162.
3. Владимиров П. Слово о полку Игореве // Энциклопедический словарь. СПб.: 1900. Т. 30. С. 414–419.
4. Дельвиг А.А. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1986.
5. Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989.
6. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978.
7. Лаптева О.А. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного // Славянское языкознание. М., 1959. С. 98–112.
8. Лихачев Д. С. Великое наследие. М.: Современник, 1975.
9. Минлос Ф.Р. Линейное расположение прилагательных в древнерусском: возвращаясь к ста-

тье Д. Ворта // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2(20). С. 287–296.

10. Минлос Ф.Р. Что притягивает притяжательные местоимения? Или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII: Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. С. 279–290.

11. Обнорский С.П. Русский литературный язык старейшей поры: Лингвистический анализ памятников древнерусской словесности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

12. Патроева Н. В. Синтаксис и архитектоника «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложений XIX–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015.

13. Слово о полку Игореве / реконструкция древнерусского текста и перевод Д.С. Лихачева. Л.: Сов. писатель, 1990.

14. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М.: Наука, 1968.

15. Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в его отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.

16. Улитова А.С. Многочленные атрибутивные словосочетания в книжных и деловых текстах (на материале памятников XVII в.) // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 4. С. 108–118.

17. Ямпольский И.Г. Из истории работы А.Н. Майкова над переводом «Слова о полку Игореве» (по архивным материалам) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 31: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. С. 334–341.

18. D. Worth. Animacy and adjective order: the case of новъгородьскъ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. XXXI–XXXII. P. 533–554.

* * *

1. Borkovskij V.I. Sintaksis drevnerusskih gramot (Prostoe predlozhenie). L'vov, 1949.

2. Bulahovskij L.A. «Slovo o polku Igoreve» kak pamjatnik drevnerusskogo jazyka // Slovo o polku Igoreve. Sbornik issledovanij i statej. M.; L: Izd-vo AN SSSR. 1950. S. 130–162.

3. Vladimirov P. Slovo o polku Igoreve // Jenciklopedicheskij slovar'. SPb.: 1900. T. 30. S. 414–419.

4. Del'vig A.A. Sochinenija. L.: Hudozh. lit., 1986.

5. Iezuitova R.V. Zhukovskij i ego vremja. L.: Nauka, 1989.

6. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. Sintaksis. Prostoe predlozhenie. M.: Nauka, 1978.

7. Lapteva O.A. Raspolozhenie drevnerusskogo odinochnogo atributivnogo prilagatel'nogo // Slavjanskoe jazykoznanie. M., 1959. S. 98–112.

8. Lihachev D.S. Velikoe nasledie. M.: Sovremennik, 1975.

9. Minlos F.R. Linejnoe raspolozhenie prilagatel'nyh v drevnerusskom: vozvrashhajas' k stat'e D. Vorta // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. 2010. № 2(20). S. 287–296.

10. Minlos F.R. Chto pritjagivaet pritjazhatel'nye mestoimenija? Ili lineĭnaja pozicija atributov // Voprosy russkogo jazykoznanija. Vyp. XIII: Fonetika i grammatika: nastojashhee, proshedshee, budushhee. M., 2010. S. 279–290.

11. Obnorskij S.P. Russkij literaturnyj jazyk starejshej pory: Lingvisticheskij analiz pamjatnikov drevnerusskoj slovesnosti. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010.

12. Patroeva N. V. Sintaksis i arhitektonika «Slova o polku Igoreve» i ego pojeticheskih perelozhenij XIX–XX vv. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2015.

13. Slovo o polku Igoreve / rekonstrukcija drevnerusskogo teksta i perevod D.S. Lihacheva. L.: Sov. pisatel', 1990.

14. Sravnitel'no-istoricheskij sintaksis vostochnoslavjanskih jazykov. Chleny predlozhenija. M.: Nauka, 1968.

15. Tarlanov Z.K. Stanovlenie tipologii russkogo predlozhenija v ego otnoshenii k jetnofilosofii. Petrozavodsk, 1999.

16. Ulitova A.S. Mnogochlennye atributivnye slovosochetanija v knizhnyh i delovyh tekstah (na materiale pamjatnikov XVII v.) // Vestn. LGU im. A.S. Pushkina. 2015. № 4. S. 108–118.

17. Jampol'skij I.G. Iz istorii raboty A. N. Majkova nad perevodom «Slova o polku Igoreve» (po arhivnym materialam) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 31: «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki drevnerusskoj literatury. L.: Nauka, 1976. S. 334–341.

Analysis of components of noun-attributive phrases in "The Tale of Igor's Campaign" and its poetic interpretations of XIX century

The article deals with the attributive phrases in "The Tale of Igor's Campaign" and its poetic versions of the XIX century created by V.A. Zhukovsky and A.N. Maikov. Studying the attribute in poetic interpretations show that the authors of translations in most cases follow the word order rules of the Old Russian text, but the metric pattern and rhythm of the new text make them combine the components of attributive phrases in a different way.

Key words: *Old Russian language, word order, noun-attributive phrase, poetic interpretation.*

(Статья поступила в редакцию 18.01.2018)